

Политическое использование памяти о «лихих девяностых» в современной России: конфликты и сопряжения интерпретаций

Доклад обобщает результаты исследовательского проекта о конструировании смысловых рамок коллективной памяти о начальном этапе постсоветской трансформации в российском политическом дискурсе 2000-2010-х гг. Автор сравнивает особенности актуализации опыта «девяностых» в дискурсах а) преемников Б.Н. Ельцина на посту президента; б) политиков, имеющих репутацию либералов; в) коммунистов, национал-популистов и национал-патриотов, чтобы выявить конфликты и сопряжения разных версий политической памяти об этом периоде. Материалами для анализа послужили 1) стенограммы всех публичных выступлений и интервью президентов В.В.Путина и Д.А.Медведева, в которых затрагивались темы, имеющие отношение к политике и общественным практикам девяностых годов; источник – портал Президент России (www.kremlin.ru); 2) публикации лидеров КПРФ, ЛДПР, а также политиков, имеющих репутацию либералов и национал-патриотов, в центральных СМИ. Поиск проводился на базе коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView, Хронологические рамки исследования – 2000-2020 гг. Основной метод – качественный контент-анализ. Кодирование проводилось в программе MAXQDA 2018.

Ельцинские «девяностые» часто противопоставляются путинским «нулевым». «Девяностые» ассоциируются с тяготами реформ, «ослаблением государства», криминальным «беспределом», неконтролируемой децентрализацией власти и утратой былого влияния на мировую политику, а «нулевые» – с экономической стабилизацией, «наведением порядка», «укреплением вертикали» исполнительной власти, возвращением «сильного государства» и ростом международного авторитета России. Негативная оценка опыта 1990-х несомненно отражает жизненный опыт миллионов людей. Однако реальность была сложнее. Очевидно, что основательно укоренившийся миф о «лихих девяностых» – результат избирательного вспоминания и забвения.

Теории коллективной памяти рассматривают представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи. Исходя из этого, следует предположить, что оппозиция «лихих девяностых» и «стабильных нулевых» отражает не только объективные различия двух политических эпох, но и то, как эти различия оказались осмыслены в дискурсе. Сравнительный анализ интерпретаций опыта «девяностых» в дискурсах соперничающих политических сил –

ключ к пониманию символической борьбы, продуктом которой стал миф о «лихих девяностых» и «стабильных нулевых».

Анализ дискурса В.В. Путина показал, что апелляция к памяти о 1990-х гг. играла заметную роль в легитимации его власти и обосновании его политического курса. Поначалу конструирование оппозиции между «прежним» и «нынешним» было не столько результатом целенаправленной политики памяти, сколько следствием необходимости выстраивать собственную политическую идентичность, дистанцируясь от непопулярного предшественника, а также стремления соответствовать настроениям избирателей. Все ключевые идеологемы, которыми Путин описывал свою политику в начале 2000-х гг. – «сильное государство», «стабильность», «диктатура закона», «вертикаль власти», «единство», «порядок» – представлялись в качестве антитезы ельцинскому периоду. В дальнейшем, когда репертуар смыслов, закрепляющий оппозицию «нулевых» и «девяностых», уже вполне сложился, Путин охотно прибегал к нему, оправдывая собственные решения нежеланием повторения того, что было «тогда». Вместе с тем, со временем память о «трудных девяностых» оказалась интегрирована в образ России, «восстающей из пепла», подобно птице-Фениксу, который в последние годы является заметным элементом официального исторического нарратива.

Исследование дискурса либералов выявило иную логику «работы» с недавним прошлым. Будучи сосредоточены на продолжении экономических реформ, и «правые» либералы, представленные в начале 2000-х гг. Союзом правых сил (СПС), и социал-либералы из «Яблока» были склонны подчеркивать преемственность «девяностых» и «нулевых». Первые делали это, поскольку надеялись сохранить влияние на экономическую политику через присутствие в исполнительной власти и экспертных структурах. Вторые – потому что критически относились к реформам ельцинского периода и считали, что новое правительство лишь усугубляет старые проблемы. И те, и другие были озабочены наступлением на политические свободы, однако, признавая изъяны демократических практик 1990-х, не слишком упирали на контраст. Что же касается защиты «наследия 1990-х» от нападок критиков, то здесь усилия либералов были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных программ реформ, нежели на конструировании общего апологетического нарратива. В силу этого, несмотря на преобладание модуса преемственности, их дискурс скорее дополнял, нежели оспаривал образ «тяжелого десятилетия», на который опирается противопоставление «ельцинских девяностых» «путинским нулевым».

Наконец, анализ дискурсов коммунистов и национал-патриотов показал, что они разделяют негативную оценку событий 1990-х гг., однако по-разному вписывают их в

свои исторические нарративы. Для коммунистов «девяностые» – это история о трагических последствиях утраченного «золотого века» (советского периода). Для национал-популистов это фон для конструирования собственной идентичности защитников русского народа, интересами которого систематически пренебрегали и советские, и постсоветские элиты. Для национал-патриотов это политический вызов, требующий ответа; причем в некоторых версиях этого нарратива присутствует оптимистическая тема пробуждения патриотических сил, позволяющая интерпретировать «девяностые» как момент поражения, за которым должен наступить реванш. Эти нарративы расходятся и в выборе ключевых событий, определяющих сюжетную линию, и в их интерпретации. Различия определяются как особенностями идеологий, сквозь призму которых рассматривается отечественная история, так и политическими биографиями соответствующих групп. Наиболее существенные расхождения касаются интерпретации советского периода. Однако то, что безусловно объединяет эти нарративы – это оппозиция политическому «наследию девяностых» и приверженность принципу «Никогда больше!». Имея разные цели, представляя разные группы, по-разному выстраивая свою тактику, нередко конкурируя друг с другом, коммунисты, национал-популисты и национал-патриоты имеют общих политических противников – «либералов», «олигархов» и «Запад».

На основании результатов исследования можно сделать вывод, что образ «лихих девяностых» играет важную роль в формировании водоразделов в современной российской политике, позволяя столь разным политическим силам конструировать, с одной стороны, собственные идентичности, а с другой – общих врагов. Выявленные сходства и различия в преобладающих модусах использования недавнего прошлого в дискурсах власти и оппозиции станут основным предметом предлагаемого доклада.